

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1-1(Феофан Прокопович). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-7-16. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,445.
ГРНТИ 16.21.55. Код ВАК 5.9.8

ПРОЕКТ «ДИАХРОНИЧЕСКАЯ РИТОРИКА: ЯЗЫК И СЛОГ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА»

Патроева Н. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>
SPIN-код: 5886-7841

Лебедев А. А.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>
SPIN-код: 1471-5410

А н н о т а ц и я. В статье излагаются основные идеи исследовательского проекта, связанного с созданием «риторического портрета» Феофана Прокоповича и нацеленного на максимально полное представление, типологизацию и интерпретацию всего спектра тропов и фигур речи, применяемых поэтом Петровской эпохи. Источниками исследования служат «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X» Феофана (Елеазара) Прокоповича, а также поэтические произведения Феофана Прокоповича. Сопоставление риторической теории и практики – ключ к пониманию эволюции грамматической и стилистической системы русского языка. Один из главных теоретико-методологических постулатов проекта состоит в утверждении особой роли риторики, наряду с грамматикой русского языка XVIII века, в описании и регламентации синтаксических норм языка. В процессе лингвориторического исследования используются методы структурно-семантического и функционально-семантического анализа (для выявленных позиций тропов и фигур речи), лексикографический (сопоставление полученных в процессе анализа текста данных с данными исторических, толковых словарей, словарей языка писателей), стилометрический (применение количественных показателей, инструментов математической статистики для выявления доминант идиостиля автора), синтагматического (анализ сочетаемости в позиции тропов и фигур речи), парадигматический (при построении наборов тропов и фигур речи, их типологизации), диахронический (в частности, историко-синтаксический) и др. Результатом проекта станет создание диахронической риторики русской поэзии начала XVIII в. на материале стихотворений Феофана Прокоповича, воплощенной в виде двух баз данных – «Риторические приемы в поэзии Феофана Прокоповича» и «Синтаксический строй стихотворений Феофана Прокоповича». Как показывают предварительные наблюдения, применение Феофаном риторических приемов вполне коррелируется с его же поэтикой и теорией красноречия, а также ярко свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений. Исследование системы риторических приемов позволит в конечном итоге проверить и уточнить динамику в системе складывавшихся в этот период лексических, грамматических, жанрово-стилистических и риторических норм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэтический слог; риторические приемы; тропы и фигуры речи; история русской риторической традиции; диахроническая риторика; история русской поэзии XVIII века; язык и слог Феофана Прокоповича

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696>.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Патроева, Н. В. Проект «Диахроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича» / Н. В. Патроева, А. А. Лебедев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 7–16. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-7-16.

THE PROJECT “DIACHRONIC RHETORIC: LANGUAGE AND STYLE OF THE POETIC WORKS BY FEOFAN PROKOPOVICH”

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Aleksandr A. Lebedev

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>

A b s t r a c t. The article outlines the main ideas of a research project related to the creation of a “rhetorical portrait” of Feofan Prokopovich and is aimed at the most complete presentation, typologization and interpretation of the entire range of tropes and figures of

speech used by the poet of the era of Peter the Great. The practical research material includes “De arte poetica” and “De arte rhetorica libri X” by Feofan (Eleazar) Prokopovich, as well as the poetic works by this author. A comparison of rhetorical theory and practice is the key to understanding the evolution of the grammatical and the stylistic systems of the Russian language. One of the main theoretical and methodological postulates of the project proclaims the special role of the rhetorics, along with the grammars of the Russian language of the 18th century, in the description and regulation of the syntactic norms of the language. The linguo-rhetorical study uses the methods of structural-semantic and functional-semantic analysis (for the positions of tropes and figures of speech identified), lexicographic analysis (comparison of the data obtained in the process of text analysis with the data from historical and explanatory dictionaries and the dictionaries of the language of concrete writers), stylometric analysis (use of quantitative indicators and tools of mathematical statistics for identifying the dominants of the author’s individual style), syntagmatic analysis (analysis of combinability in the position of tropes and figures of speech), paradigmatic analysis (conducted while constructing sets of tropes and figures of speech and their typologization), diachronic analysis (in particular, historico-syntactic one), etc. The results of the project are expected to contribute to the creation of a diachronic rhetoric of the Russian poetry of the early 18th century based on the material of the poems of Feofan Prokopovich, realized in the form of two databases – “Rhetorical devices in the poetry of Feofan Prokopovich” and “Syntactic structure of the poems of Feofan Prokopovich”. As preliminary observations show, Feofan’s use of rhetorical devices is fully correlated with his own poetics and theory of eloquence, and also clearly indicates the “moderate” nature of his baroque aspirations. The study of the system of rhetorical devices will ultimately make it possible to verify and clarify the dynamics in the system of lexical, grammatical, genre-stylistic and rhetorical norms that emerged during this period.

Keywords: poetic style; rhetorical devices; tropes and figures of speech; history of the Russian rhetorical tradition; diachronic rhetoric; history of the Russian poetry of the 18th century; language and style of Feofan Prokopovich

Acknowledgements: The research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696>.

For citation: Patroeva, N. V., Lebedev, A. A. (2024). The Project “Diachronic Rhetoric: Language and Style of the Poetic Works by Feofan Prokopovich”. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 7–16. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-7-16.

Введение: актуальность и задачи проекта

На нынешнем этапе развития отечественной и мировой лингвистики актуальной и новой представляется задача комплексного анализа риторической системы и синтаксического строя русского литературного языка XVIII века. Так, вклад великого государственного и духовного деятеля Петровской эпохи Феофана Прокоповича¹ в российскую науку и литературное творчество XVIII в. остается недостаточно последовательно описанным², несмотря на то, что деятельность и творчество Феофана Прокоповича еще в XIX в. становились предметом изучения. Таким образом, задача комплексного, разноаспектного, систематического изучения индивидуально-авторского слога Феофана Прокоповича остается актуальной и важной для современной российской и зарубежной лингвистики и филологии. До сих пор не существует монографических исследований языка и слога виднейшего писателя, ритора, идеолога Петровской эпохи и послепетровского периода. При этом следует отметить важную роль Феофана Прокопо-

вича и его «ученой дружины» в предварительной работе над созданием свода норм русского языка, которая позднее будет завершена М. В. Ломоносовым. В отличие от Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, Василия Адогурова, Феофан и члены его «ученой дружины» не оставили «славянских» или «российских» грамматик, однако именно считавший Феофана Прокоповича своим учителем в области словесности В. К. Тредиаковский в своей речи перед академическим «Российским собранием» 1735 г. «О чистоте российского слова» поставил в числе основных задач русской науки «составление грамматики доброй и исправной и дикционария полного и довольного». В области сравнительного изучения палеоазиатских языков одним из первых проявил свои способности ученик Феофана историк Василий Татищев. Антиох Кантемир и Василий Тредиаковский в своих трактатах, посвященных стихотворству, затрагивали проблему выбора грамматических вариантов и характеристик русского ударения.

Все это свидетельствует о необходимости детального изучения особенностей языка и слога Феофана Прокоповича, прежде всего с целью выявления тех идиостилистических феноменов, которые бы позволили:

- доказать принадлежность тех или иных творений перу Феофана (авторство целого ряда научных и художественных произведений, приписываемых Феофану, является сомнительным, с точки зрения исследователей российской словесности и культуры эпохи барокко и классицизма);
- выявить направления и степень влияния слога Феофана Прокоповича на российских писателей, ученых последующих поколений;
- определить точнее характер литературного направления, к которому принадлежал поэт, драматург, оратор, историк;
- выяснить «среднюю» языковую и риторическую норму Петровской эпохи; определить,

¹ См. мнение С. А. Кибальника: «На эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в. Так, например, Ломоносов, по-видимому, был знаком с “Поэтикой” Прокоповича, а будучи студентом Московской Славяно-греко-латинской академии, слушал и записал курс лекций по риторике его ученика Порфирия Крайского» [Кибальник 1983: 205–206].

² Например, современные украинские исследователи уделяют внимание прежде всего связям произведений Ф. Прокоповича и др. представителей Киево-Могилянской академии с латиноязычными риторическими трактатами и церковной литературой (см., напр.: [Игорь (Ісідор) 2016; Трофимук 2014]). Панегрический жанр, характерный для творчества Феофана Прокоповича, исследуется нидерландским филологом Иоахимом Клейном (Лейденский университет).

насколько рекомендации трактатов по поэтике и риторике (прежде всего самого Феофана Прокоповича) соответствовали языковой и ораторской практике первых десятилетий XVIII в.

Проведение комплексного исследования роли синтаксической системы русского литературного языка в процессе тропо- и фигурирования на материале поэтического дискурса Феофана Прокоповича в рамках одобренного Российским научным фондом (РНФ) проекта должно явиться важным подспорьем для развития новейшего направления филологических исследований – диахронической риторики³, предмет которой – история системы тропов и фигур речи в русской художественной речи.

Материал и методология проектного исследования

Как отмечала Ренате Лахманн, «если рассматривать функцию риторики как часть (общего) коммуникативного кода или как субкод, а именно как ту его часть, которая отвечает за построение коммуникативных ситуаций, определенных эстетической доминантой (поэтический код), то ее статус вторичной грамматики может быть подтвержден, т. к. риторика репрезентирует не первичный код языка, а поэтический... Формулируя правила на основе знания грамматики первичного языка, грамматика *elocutio* как субкод, представляющий код поэтический, принимает на себя роль функциональной прагматики» [Лахманн 2001: 7].

Предполагаемое в качестве итогового результата проекта создание диахронической риторики начала XVIII в. на материале стихотворений Феофана Прокоповича, охватывающей на данном этапе проектной работы первоначально только поэтические жанры, нацелено на максимально полное представление, типологизацию и интерпретацию всего спектра тропов и фигур речи, применяемых главным русским поэтом эпохи, и – уже на этой основе – выявление лексико-грамматических особенностей поэтического языка и слога, а также направлений, степени глубины и постоянства взаимодействия риторической теории⁴, изложенной в созданных в России XVIII в. трактатах по искусству красноречия, и живой поэтической практики.

Выбор стихотворного творчества Феофана Прокоповича в качестве основной эмпирической базы проекта обусловлен тем, что в эпоху между Кантемиром и Пушкиным именно поэзия была главной ареной формирования лексических, грамматических и стилистических норм русского литературного языка, а ведущими реформаторами русского языка выступали поэты и теоретики в области риторики⁵ – Феофан Прокопович, Антиох Канте-

мир, Василий Тредиаковский, Михаил Ломоносов, Александр Сумароков, Николай Карамзин.

Методологические принципы описания – это 1) ориентация на эмпирические данные, извлеченные из поэтических произведений Ф. Прокоповича; 2) привлечение сопоставительных данных, извлеченных из словарей и грамматик русского языка, авторской лексикографии, трактатов по искусству красноречия, а также ранней виршевой поэзии (Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Симеон Полоцкий и др.); 3) типологический подход (классификация фигур речи и конструкций, служащих средствами их образования); 4) тесная связь собственно лингвистического анализа риторических приемов с анализом лингвопоэтическим и филологическим, без которой не представляется возможным осуществить интерпретацию фигур речи в аспекте их экспрессивной функции и текстообразующей роли, в аспекте взаимодействия фигурирования с ритмом, мелодикой, строфикой и жанром текста, тесная связь синтаксического и лингвориторического подходов; 5) системный и диахронический подходы к выявлению системы синтаксических, общепоэтических и риторических норм эпохи; 6) применение стилеметрии (количественных методов) для выявления стилевых доминант поэзии Феофана Прокоповича.

Один из главных теоретико-методологических постулатов проекта состоит в утверждении особой роли риторики (см., напр.: [Бухаркин 2017: 47]), наряду с грамматикой русского языка XVIII века, в описании и регламентации синтаксических норм языка: предложение, в отличие от «словосочинения» (соединения «речений», словосочетания), относилось в эту и предшествующую ей эпоху в большей степени к ведению не грамматики, а риторики. По этой причине анализ рекомендаций риторических трактатов российских теоретиков красноречия, наряду с изучением практики применения риторических приемов, тропо- и фигурированием в русской поэзии Петровской эпохи (в сопоставительном плане – кантемировской и ломоносовской эпох), позволяет ярче высветить многие тенденции и процессы, протекавшие в синтаксическом строе русского литературного языка выбранного для изучения периода.

Сопоставление риторической теории и практики – ключ к пониманию эволюции грамматической и стилистической системы русского языка.

Анализ должен вестись в двух магистральных

кивал В. М. Живов: «Обнаруживая, например, что “Риторика” Феофана Прокоповича почти целиком основана на аналогичных трактатах европейского умеренного барокко (Никола Коссена и Юния Мельхиора...), мы естественно хотим поставить ее в тот же ряд, приписав ей тот же характер и те же функции, что и ее европейским образцам. Это сходство, однако, обманчиво. Риторика в Европе регулирует существующую речевую практику, рекомендуя читателю определенным образом сочетать риторическую стратегию с риторическими средствами. Та же риторика в России создает новую практику и поэтому не рекомендует, а предписывает... При пересадке на русскую почву меняется модальность... риторика превращается в устав...» [Живов 2017: 328].

³ См. подробнее: Патроева Н. В., Лебедев А. А. Проект создания диахронической риторики XVIII столетия // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 3. С. 9–19.

⁴ «На риторику ориентируются не только создатели текстов, но и церемониально устроенная придворная культура», – так характеризует Л. И. Сазонова культурную ситуацию в России раннего Нового времени [Сазонова 2006: 10].

⁵ Свойственный ранним российским риторикам не столько рекомендуемый, сколько предписывающий характер подчер-

направлениях: с одной стороны – это выявление, классификация и интерпретация экспрессивного потенциала различных тропов и фигур речи, применяемых в поэтических произведениях Феофана Прокоповича, с другой – анализ соответствия этих риторических приемов рекомендациям теоретических руководств по элоквиенции, созданных другими авторами трактатов по искусству красноречия.

Выяснение вопроса о составе и функциональном потенциале тропов и фигур речи в поэзии эпохи барокко и классицизма будет осуществляться с учетом жанрово-стилистической принадлежности художественного текста, его метрики и композиции, а также взаимосвязи индивидуально-авторского слога со стилем литературного рода – находящейся в Петровское время еще в процессе зарождения русской лирики – и стилем литературного направления (барокко, «предклассицизм» (см. трактовку в работе [Буранок 2014]), классицизм). Учет жанрово-стилистического, метрического и композиционного аспектов, а также нацеленность на исчерпывающую полноту описания системы фигур речи в поэзии, выбранной для исследования «риторического портрета» Феофана Прокоповича, необходимо предполагает привлечение в качестве источниковой базы исследования материалов имеющих наиболее полных собраний сочинений Феофана Прокоповича, наряду с созданными в XVIII веке трактатами по красноречию и грамматиками, а также возможное обращение к рукописным, архивным собраниям этой эпохи литературного развития (в частности, рукописным риторикам конца XVII – начала XVIII вв., оставшимся неизданными, рукописным сборникам Феофановых или приписываемых ему произведений).

Предполагаемые результаты

Одним из главных результатов проекта «Диахроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича в аспекте тропо- и фигурирования» станет выявление основных особенностей слога стихотворных произведений Феофана Прокоповича, а также сопоставление языка и стиля его поэзии с особенностями ораторских прозаических произведений («слов», примеров церковного и светского красноречия) и «трагедокомедии» на лексическом и грамматическом уровнях текста.

Кроме того, предполагается разработать специальную методику анализа риторических прие-

мов (тропо- и фигурирования) на материале ораторской прозы, драматургии и лирики Феофана Прокоповича с опорой на имеющиеся уже в филологической науке опыты описания частных риторических подсистем поэтов XVIII-XX в. («риторических портретов» писателей эпохи русского барокко и классицизма, последующих эпох литературного развития) с целью создания сопоставительной и диахронической риторики как нового направления научных исследований в области российской филологии.

Проект также направлен на выявление взаимосответствия либо расхождения риторической теории и поэтической практики ранней эпохи расцвета риторики в России с учетом «исторического фона» предшественников – Сильвестра Медведева, Кариона Истомина, Симеона Полоцкого, Стефана Яворского и др. поэтов и риториков, а также рекомендаций поэтик и риторик, бытовавших в научно-образовательном пространстве России конца XVII – середины XVIII столетий, что позволит внести значительный вклад в изучение русской исторической лексикологии, диахронического синтаксиса, исторической стилистики и исторической лингвопоэтики, предложить новые данные для потенциального лексикографического представления языка Феофана Прокоповича.

В рамках проекта будут созданы базы данных, содержащие размеченные на основе специальной методики анализа поэтического дискурса на лексическом и грамматическом уровнях в аспектах структурном, жанрово-стилистическом, композиционном, метрическом и риторическом тексты стихотворений одного из ведущих писателей Петровской эпохи: 1) «Риторические приемы в поэзии Феофана Прокоповича», 2) «Синтаксис поэтических жанров Феофана Прокоповича».

Первая база данных должна включать (см. табл. 1) контекст, который выявляет использование того или иного риторического приема, паспортизацию иллюстрации, указание жанровой отнесенности, типа метрической и композиционной организации (тип силлабического стиха, строфический либо астрофический тип построения), характеристику самого изобразительно-выразительного средства как с точки зрения принятой в современной филологической науке классификационной рубрики, в том числе в терминах «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X» Феофана Прокоповича.

Таблица 1

Фрагмент базы данных «Риторические приемы в стихотворениях Феофана Прокоповича»

Автор	Произведение, год создания	Жанр	Метрика	Композиция, строфика	Контекст, выявляющий тропообразование	Тип тропа	Данные словарей русского языка XVIII в.
Феофан Прокопович	«К Петру Второму», 1728 (?)	стихотворение на случай	силлабический 13-сложник	4-стишие	Бог и Петру Второму вручил стада многа... [Прокопович 1961: 216]	глагольная метафора, узуальная; «фигура смысловая», способствующая «услаждению речи» [Прокопович 2020: 251–259]; метафора как «троп речений» [Ломоносов 1952: 53; Риторика Ломоносова 2017: 43–59]	«Вручаю <...> 1) Отдаю кого или что кому; ввѣрю чьему попеченію, смотрѣнію. <...> 2) Въ руки отдаю...» [САР 1794: Стлб. 215] «ВРУЧИТЬ (-ти) <...>. 1. что. Передать из рук в руки, отдать лично кому-л. 2. что. Вверить управление, распоряжение чем-л., поручить. <...> <i>Перен.</i> О духовной пастве» [СлРЯ 1984: 135–136]

Вторая база данных учитывает традиции создания словарей «нелексического» типа – [ССРП1 2017] и [ССРП2 2019] – (см. подробнее: [Патроева 2018]) и предлагает комплексный анализ синтаксического устройства Феофановых стихотворных произведений: здесь представлены (см. табл. 2) структура предложения, квалификация его с точки зрения состава главных и второстепенных компонентов, сочиненных рядов, осложняющих элементарную модель конструкций (обособленных оборотов различной морфологической природы, вводных и вставных синтагм, сегментации и присоединения, обращения), указаны особые типы построения типа «дательного самостоятельного» или «двойного винительного», дана характеристика

синтаксических отношений, выражаемых в сложных предложениях, фиксируются типы «фигур речи» (сравнение, эллипсис, асиндетон, полисиндетон, риторические вопрос, восклицание и обращение, хиазм, повтор, параллелизм, парантеза и пр.). Все эти данные в совокупности позволяют создать целостное и гораздо более детальное, чем прежде, представление о синтаксических нормах и тенденциях Петровского и раннего послепетровского времени, степени архаичности грамматического строя, присутствию в нем старославянских или новых структурных элементов, а также о Феофановой «грамматике поэзии» (в терминах Л. В. Щербы и Р. О. Якобсона).

Таблица 2

Фрагмент базы данных «Синтаксис стихотворных произведений Феофана Прокоповича»¹

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Бог и Петру Второму вручил стада многа и сотвори известно, коль любит он бога.	[Прокопович 1961: 216]	стихотворение на случай (приветствие)	силлабический 13-сложник	14	2	С	4-стишие	1	лексический повтор	[сущ.+гл.+гл.], (коль гл.+мест.)!	изъяснительные	повествовательное	невосклицательное					однородные сказуемые

¹ В таблице приняты следующие обозначения столбцов:

Столбец 1 – Репрезентации; Столбец 2 – Паспортизация контекста (заглавие, страница); Столбец 3 – Жанр; Столбец 4 – Метр (размер); Столбец 5 – Количество слов (знаменательных и незнаменательных); Столбец 6 – Число строк, которые занимает предложение; Столбец 7 – Тип композиции (тождественнострофическая – С / астрофическая (без графически выделенного разделения на строфы) – А / вольная композиция – ВК); Столбец 8 – Тип строфы (для тождественнострофических произведений); Столбец 9 – Наличие переносов из строки в строку (цифра указывает количество случаев несовпадения стихового и синтаксического членения, о чем сигнализирует отсутствие знака препинания в конце строки); Столбец 10 – Риторические приемы; Столбец 11 – Структурная схема; Столбец 12 – Синтаксические отношения между частями; Столбец 13 – Коммуникативный тип предложения (по целеустановке); Столбец 14 – Тип предложения по эмоциональной окраске (интонации); Столбец 15 – Наличие отрицательных по модальному значению частей; Столбец 16 – Наличие неполных в структурном и структурно-семантическом аспекте частей; Столбец 17 – Наличие односоставных частей; Столбец 18 – Тип расширителя модели (однородного ряда); Столбец 19 – Тип осложнителя модели.

Анализ и обсуждение

В риторике Феофана находим, согласно установленной с античных времен традиции включения в руководство обязательного раздела об элоквиции, подробное описание фигур речи (всего

около 70, в том числе тропов [Прокопович 2020: 235, 236]). Риторические приемы разделяются Феофаном на три группы, тяготеющие к «возвышенному», «среднему» («цветистому») и «сниженному» стилям: 1) служащие для «поучения», из которых важное место принадлежит участвующим в созда-

нии портрета, описания «гипотипозе» и «характеризму» [Прокопович 2020: 237] и «этологии» как «нравоописательной речи» [Прокопович 2020: 245]; 2) способствующие «услаждению» речи [Прокопович 2020: 251–259]: «гомэоза» (сравнение), метафора, метонимия, синекдоха, перифраза, аллегория, «оксиморон», параномасия, «метатеза» (хиазм), «гипербат» (инверсия), «диализа» (бессоюзие), «антономасия», антитеза, «диафора» (вид повтора) и др.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний» [Прокопович 2020: 259–267]: «просопопея» (олицетворение), «климакс» (усиление, восходящая градация), гипербола, «полисиндетон» (многосоюзие), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), сарказм и пр.

Исследователи уже указывали [Буранок 2014; Копаница 2012] на такие способы художественного выражения, часто применяемые в Феофановой лирике, как *аллегория*, тесно связанная с эмблематичностью символического мировосприятия в искусстве барокко, и *антитеза*, свидетельствующая о стремлении смешивать противоположное, высокое и низкое, большое и малое. В поэтических образах Феофана, как и его предшественников, используются нередко, наряду с библеизмами, античные прецедентные имена, что создает диалог многоязычия¹ и широту интертекстуальных переключек в сочинениях риторика и поэта.

Проведенный в рамках подготовки данной работы анализ риторических приемов показывает, что Феофан предпочитает использовать в качестве средств эмоционального воздействия, смыслового подчеркивания и украшения в своей стихотворной речи те, которые в трактате «De arte rhetorica libri X» относятся к приемам второй группы, т. е. «услаждающим». Кроме того, «цветы» мысли и слова создаются прежде всего не упоминаемыми у Феофана в качестве особого вида фигур *эпитетам*²: «вѣтвийских устен», «плач умилный», «главы проклятыя», «лестной ереси», «супостат свирѣпый и дивый», «род благовѣрный» [Прокопович 1961: 209], «лютаго фараона», «благополучными обѣты», «бѣс яростный», «змѣнник неистовый», «дивна Гордость» [Прокопович 1961: 210], «свѣй дерзкий», «бог сильный», «род лютый» [Прокопович 1961: 211], «храброй России» [Прокопович 1961: 212], «род вѣрный», «Крест... золотый» [Прокопович 1961: 214] и пр.

Второе место после эпитетов по степени активности в стихотворениях Феофана принадлежит различного типа *повторам*, в том числе анафорам, «диафорам» как возвратам к уже употребленному слову, андиплосисам-«подхватам», «удвоениям»,

¹ По наблюдениям исследователей, набор аллюзий и – шире – иных приемов художественной выразительности не аналогичен в латинской, польской и русской редакциях произведений Феофана Прокоповича (см., например: [Трофимов 2018]), поэтому может стать предметом специального сопоставительного анализа. Анализ риторических приемов, примененных Феофаном Прокоповичем в его латиноязычной поэзии, не входил в задачи данной работы (см. об этих произведениях, например: [Луцкая 1979; Smorgzewska 1999; Либуркин 2000; Бударагина 2020]).

² Хотя сам термин «эпитет» в риторике Прокоповича встречается; см., например: [Прокопович 2020: 254, 411].

эпифорам-созвучиям концов попарно рифмующихся строк. Повторы способствуют созданию эффекта амплификации, почерпнутого у древних (подобные примеры, ссылки дает в своей риторике сам Прокопович) и – одновременно – сближающего Феофанов слог со старорусским стилем «плетения словес». Повторы играют особую структуро-, смысло-, рифмо- и ритмообразующую роль в поэтическом синтаксисе Феофана независимо от жанра стихотворения – оды, канта, элегии, надписи, послания, эпиграммы, например:

...боже всесильный... бог всемогущий...

Нынѣ и день лучшею красен добротою,

И солнце множайшая луча испушает,

И лицѣ краснѣйшее цвѣт полный являет [Прокопович 1961: 209].

Среди *метафор* преобладают именные с учетом активности эпитетов, а также перифраз, основанные на переносе по сходству призраков, однако глагольные и субстантивные метафоры используются Феофаном примерно в равном соотношении³ («сотре ад» [Прокопович 1961: 210], «гражданского ада» [Прокопович 1961: 217], «разрушит <...> живот и пойдешь в ров земный» [Прокопович 1961: 225] и пр.), когда одна поддерживает в контексте предложения и целого произведения другую, развертываясь морфологически разнообразно.

Перифраза у Прокоповича служит целям формирования высокого слога: так, в «Епиникионе» антитеза православного русского начала и католического иноземного зиждется и на использовании образов «Марса <...> многобѣдного» [Прокопович 1961: 213] (о Карле XII) и «рускаго Марса» [Прокопович 1961: 214] (о Петре I; вероятно, не без влияния «победной песни» Феофана в «Элегии о смерти Петра Великого» В. К. Третьяковского также прибегнет к антономасии и использует тот же аллегорический образ римского бога войны); антитеза дополняется именованьем гетмана И. Мазепы «отчества враг великий»⁴ [Прокопович 1961: 209]. Иные перифрастические обороты Феофана являются номинациями сакрального мира: «от горняго дому» [Прокопович 1961: 212] в «Епиникионе», «небесныя горы» (с. 220) в эпитафии «Новопреставльшемуся иеродиакону Адаму эпитафийон» 1734 года, «божией державы» [Прокопович 1961: 224] в канте «Всяк себе в помощь вышняго предавай...».

Обращает на себя внимание каламбурное обыгрывание Феофаном в традициях барочного «концептизма» внутренней формы имени, аппликация прямых и переносных значений: «Ни с каких сторон свѣта не видно, – все ненастье» [Прокопович 1961: 216] в элегии «Плачет пастушок в долгом ненастье» (*пастух – пастырь* душ человеческих); «...солнце несозданно да хранит свѣт твой, солнце наше Анно!..» [Прокопович 1961: 219] в послании «Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино»; «Что слава

³ В дальнейшем, в направлении к XX веку, роль тропов, в том числе метафор, выраженных существительными, увеличивается (см.: [Кожевникова 2009: 531–600]).

⁴ Там же, с. 209.

Станислава богом своим славит, / Станислав бо в имени будто славу ставит. / Сама она не в одном показала дѣлѣ, / В какой ты, Станиславе, славу ставишь силе» [Прокопович 1961: 221] в эпиграмме «О Станиславѣ Лещинском, дважды от короны польской отверженном...», 1734 (?).

Олицетворение, одушевление – редкий прием в стихотворениях Феофана: «...грядет мир веселый / И здравие везетъ со собою... побѣда ждет... Вниде брань...» [Прокопович 1961: 209–210]; «...злость дураков язык свой прикусит...» [Прокопович 1961: 217]; «Печальная ночь... Солнце... Радость родит...» [Прокопович 1961: 218]; «А безумныя печали / Знать того не допускали, / И злора зѣрна / И спесь безмѣрна / Зело в том мѣшали» [Прокопович 1961: 225]. Еще более редки метонимия и синекдоха: «Россия весела и рада...» [Прокопович 1961: 217]; «...ты, о бородушка, залучил солодушка...» [Прокопович 1961: 223]. Сравнение («гомэоза») используется чаще, причем получает форму не только краткого сравнительного оборота, но более пространной описательной конструкции, как в «Епиникионе»: «...поражен силою десницы твоя, / Аки с небес молнием...» [Прокопович 1961: 210]; «...аки море земля потрясется...» [Прокопович 1961: 213], «...многия воскорѣ / Излѣтеша молния; не таков во морѣ / Шум слышится, егда вѣтр на вѣтр ударяет, / Ниже тако гром з темных облаков рыкает, / Яко гримят армати...» [Прокопович 1961: 212].

Остротами-«приправами мысли», которые рекомендовал Феофан использовать риторам, оказываются выразительные оксюмороны и парадоксы в элегии и послании: «О многобѣдно мое щастье!» [Прокопович 1961: 216]; «...ты и без щастья довольно щастливый» [Прокопович 1961: 217].

Гиперболизация, сарказм и ирония применяются Прокоповичем и в «высоком» жанре (против врагов-«варваров» и «еретиков»), и в эпиграммах. Приведем примеры гипербол из канта «Всяк себе в помощь вышняго предавай...» и эпиграммы «К сложению лексиков»: «...всѣх мук роды сей один труд в сѣбе имѣет» [Прокопович 1961: 224]; «...тысяча и тьмы упадет на брани, / Но к тебѣ в той час и время то злое не приблизится бѣдство ни малое» [Прокопович 1961: 225].

Архитектоника силлабических творений Феофана, с обилием риторических восклицаний и вопросов, относящихся к «высокому» слогу, может показаться читателю переусложненной, тяжело-весной, однако мы не найдем здесь ничего из того, что осуждал Прокопович в своем искусстве красноречия: ни нелепой «пышности», ни «вычурных и незначительных по содержанию фразок», ни «чрезмерной манерности»⁵. Более того, «речь может быть размеренной только в силу избобилия слов» [Прокопович 2020: 210], из которых складываются «звенья», «колоны», «периоды» и формируется ритм, «трогающий сердца», поэтому мерное течение речи в Феофановых стихотворениях разворачивается часто в виде многочленного периода

⁵ [Прокопович 2020: 45–53]. Ср. с еще одной рекомендацией Феофана: «Но что сказать, если сам предмет требует обилия слов?» [Прокопович 2020: 158].

(см. о периоде [Прокопович 2020: 216–219]).

Выводы

Таким образом, разнообразие «цветы мысли» – риторические фигуры Феофана сочетают библейскую и античную традиции, образы миров сакрального и профанного, служат обоснованию идеологически и нравственно важных для него как створонника Петровских преобразований явлений, развертыванию исторических сюжетов и отражению событий собственной биографии. Риторические приемы Феофана способствуют, помимо «успокоения» и «украшения» речи, еще и строительству нового светского языка. Обилие метафор, эпитетов, аллегорий, перифраз в «Епиникионе» и уже гораздо более скромное их использование в 1730-е годы свидетельствуют об эволюции его взглядов на риторические образцы и подтверждают высказывавшееся исследователями языка и слога Прокоповича мнение: «...если в киевский период Прокопович считал славянский понятным языком, обладающим достоинством культурного языка, то, переехав в Петербург, Прокопович начинает смотреть на него как на непонятный клерикальный язык» [Живов 2017: 981]. Об этом же говорит и правка, собственноручно произведенная Феофаном для некоторых сочинений (например, «Истории Петра Великого»), и «Духовный регламент» (1718 г.), демонстрирующий приверженность раннего Феофана-поэта церковнославянской культурной стихии⁶. В стихотворениях позднего этапа (конца 1720-х – начала 1730-х годов⁷) снижается частотность многих «фигур словесных» и «смысловых» в системе средств художественной выразительности, служащих «успокоению» речи и «возбуждению переживаний», что соответствует подержанной Феофаном установке на создание нового («простого») языка.

Применение Феофаном риторических приемов в своих главных чертах вполне коррелируется с его же поэтикой и теорией красноречия, а также свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений, на что указывал еще А. М. Панченко [Панченко 1973: 240–241]. Притом что сам спектр фигур речи довольно широк, отсутствие напыщенных декоративных излишеств для «средних» жанров и еще более умеренное употребление фигур в «низком» стиле речи как требования Феофановых сочинений по искусству поэтическому и ораторскому соблюдаются достаточно строго в силлабических творениях самого ритора. Не случайно призыв к отмене барочного «пиитического» и риторического аппарата прозвучал, ве-

⁶ Ср. с заключением Б. А. Успенского о том, что ранний Феофан, выступая против экспансии латыни, обосновывает необходимость использования и понятность церковнославянского языка для русских и других славянских народов, но «в дальнейшем Феофан последовательно и целенаправленно стремится к упрощению языка церковных книг, к сближению его с языком разговорным» [Успенский 1985: 123].

⁷ Риторические и языковые особенности переложения псалмов позволяют заключить, что принадлежат они, по всей видимости, киевскому периоду творчества Феофана.

роятно, впервые именно в трактатах Феофана Прокоповича, – в связи с этим закономерно, что и своим стихотворческим даром суровый и строгий сподвижник петровских преобразований стре-

мился продемонстрировать новую же для российской словесности стилистику, риторичку и поэтику, проложившую дорогу русскому классицизму.

Источники

Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 / М. В. Ломоносов ; ред.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. ; Л. : АН СССР, 1952. – 993 с.

Прокопович, Ф. Сочинения / Ф. Прокопович ; под ред. и с предисл. И. П. Еремина ; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1961.

Прокопович, Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Ф. Прокопович ; пер. Г. А. Стратановского ; отв. ред. С. И. Николаев ; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева ; коммент. Е. В. Маркасовой ; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2020. – 488 с.

Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры // Риторика М. В. Ломоносова / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. – СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 9–522.

САР – Словарь Академии Российской. – СПб. : При Императорской Академии наук, 1789–1794. – Ч. 5. От Р до Т. – СПб. : При Императорской Академии наук, 1794. – [2 с.], 1084 стлб., [58 с.].

СЛРЯ – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1984 – (продолж. изд.). – Вып. 4. (Воздух – Выпись). – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1988. – 256 с.

ССРП1 – Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский / под ред. Н. В. Патроевой. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – 576 с.

ССРП2 – Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. Т. 2: Ломоносов / под ред. Н. В. Патроевой. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. – 608 с.

Литература

Бударагина, О. В. Латинская сатира Феофана Прокоповича на Георгия Дашкова (публикация текста и комментарий) / О. В. Бударагина // *Philologia classica*. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 261–277.

Буранок, О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века / О. М. Буранок. – М. : Флинта ; Наука, 2014. – 448 с.

Бухаркин, П. Е. Риторика и история литературного языка / П. Е. Бухаркин // *Мир русского слова*. – 2017. – № 1. – С. 47–53.

Живов, В. М. История языка русской письменности : в 2 т. Том II / В. М. Живов. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 480 с.

Игорь (Ісиченко), архиепископ. Духовні виміри барокового тексту: літературознавчі дослідження / Игорь (Ісиченко). – Харків : Акта, 2016. – 592 с.

Кибальник, С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича. XVIII век / С. А. Кибальник // *Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте*. Вып. 14 / АН СССР ; редкол.: А. М. Панченко (отв. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1983. – С. 193–206.

Кожевникова, Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / Н. А. Кожевникова ; под общ. ред. З. Ю. Петровой. – М., 2009. – 892 с.

Копаниця, Л. «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття / Л. Копаниця // *Література. Фольклор. Проблеми поетики: Збірник наукових праць*. – Київ, 2012. – Вип. 37, ч. 1. – С. 156–161.

Лахманн, Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического / Р. Лахманн. – СПб. : Академический Проект, 2001. – 368 с.

Либушкин, Д. Л. Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории XVII – первой половины XVIII века / Д. Л. Либушкин. – М., 2000. – С. 80–94, 101–112, 117–119.

Луцкая, Ф. И. Место и функции эпиграммы в латиноязычной поэзии Ф. Прокоповича / Ф. И. Луцкая // *Питання класичної філології: Іноземна філологія*. – Львів, 1979. – Вип. 55, № 16. – С. 104–112.

Панченко, А. М. Русская стихотворная культура XVII века / А. М. Панченко. – Л. : Наука, 1973. – 281 с.

Патроева, Н. В. Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта / Н. В. Патроева // *Славянская историческая лексикология и лексикография*. – СПб., 2018. – Вып. 1. – С. 122–131.

Сазонова, Л. И. Литературная культура России: раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 894 с.

Трофимов, А. Многоязычие в литературной культуре Петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича / А. Трофимов // *Летняя школа по русской литературе*. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 335–353.

Трофимук, М. С. Латинськомовна література України XV–XIX ст.: жанри, мотиви, ідеї / М. С. Трофимук. – Львів : Львівський національний університет ім. І. Франка, 2014. – 380 с.

Успенский, Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1985. – 215 с.

Smorczevska, H. Elegia Alexii Teofana Prokopowicza: nieconwencjonalny powrót do tradycyjnego wątku / H. Smorczevska // Tradycja i inwencja: Wątku I motywy obhiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. – Łódź, 1999. – S. 73–81.

References

Budaragina, O. V. (2020). Latinskaya satira Feofana Prokopovicha na Georgiya Dashkova (publikatsiya teksta i kommentarii) [The Latin Satire of Feofan Prokopovich on Georgy Dashkov (Publication of Text and Commentary)]. In *Philologia classica*. Vol. 15. No. 2, pp. 261–277.

Bukharkin, P. E. (2017). Ritorika i istoriya literaturnogo yazyka [Rhetoric and History of the Literary Language]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 47–53.

Buranok, O. M. (2014). *Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyi protsess pervoi poloviny XVIII veka* [Feofan Prokopovich and the Historical and Literary Process of the First Half of the 18th Century]. Moscow, Flinta, Nauka. 448 p.

Igor' (Isichenko), archbishop. (2016). *Dukhovni vimiri barokovogo tekstu: literaturoznachchi doslidzhennya* [Spirituals of the Baroque Text: Literature Studies]. Kharkov, Akta. 592 p.

Kibalnik, S. A. (1983). О «Ritorike» Feofana Prokopovicha. XVIII vek [About “Rhetoric” by Feofan Prokopovich. 18th Century]. In Panchenko, A. M. et al. (Eds.). *Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste*. Issue 14. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 193–206.

Kopanitsya, L. (2012). «Epinikion» Feofana Prokopovicha: do pitannya pro tekstual'nu strategiyu panegirichnoi poezii v pis'menstvi XVIII stolit'ya [“Epinikion” by Feofan Prokopovich: To the Question of the Textual Strategy of Panegyric Poetry in the Literature of the 18th Century]. In *Literatura. Fol'klor. Problemi poetiki: Zbirnik naukovikh prats'*. Kiev. Issue 37. Part 1, pp. 156–161.

Kozhevnikova, N. A. (2009). *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected Works on the Language of Fiction]. Moscow. 892 p.

Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya: ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Dismantling Eloquence: Rhetorical Tradition and the Concept of Poetic]. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt. 368 p.

Liburkin, D. L. (2000). *Russkaya novolatinskaya poeziya: Materialy k istorii XVII – pervoi poloviny XVIII veka* [Russian New Latin Poetry: Materials for the History of the 17th Century – First Half of the 18th Century]. Moscow, pp. 80–94, 101–112, 117–119.

Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete Works, in 11 vols.]. Vol. 7: Trudy po filologii. 1739–1758. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 993 p.

Lutskaya, F. I. (1979). Mesto i funktsii epigrammy v latinoyazychnoi poezii F. Prokopovicha [The Place and Functions of the Epigram in the Latin-language Poetry of F. Prokopovich]. In *Pitannya klasichnoi filologii: Inozemna filologiya*. Lvov. Issue 55. No. 16, pp. 104–112.

Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [Russian Poetic Culture of the 17th Century]. Leningrad, Nauka. 281 p.

Patroeva, N. V. (2018). Sintaksicheskii poeticheskii slovar': teoretiko-metodologicheskie osnovaniya leksikograficheskogo proekta [Syntactic Poetic Dictionary: Theoretical and Methodological Foundations of the Lexicographic Project]. In *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*. Saint Petersburg. Issue 1, pp. 122–131.

Patroeva, N. V. (Ed.). (2017). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t.* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century, in 4 vols.]. Vol. 1: Kantemir, Trediakovskii. Saint Petersburg, DMITRII BULANIN. 576 p.

Patroeva, N. V. (Ed.). (2019). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t.* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century, in 4 vols.]. Vol. 2: Lomonosov. Saint Petersburg, DMITRII BULANIN. 608 p.

Prokopovich, F. (1961). *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie.

Prokopovich, F. (2020). *Ob iskusstve ritoricheskogo desyat' knig* [Ten Books on the Art of Rhetoric]. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo. 488 p.

Ritorika M. V. Lomonosova. Tropy i figury [Rhetoric of M. V. Lomonosov. Tropes and Figures]. (2017). In Bukharkin, P. E., Volkov, S. S., Matveev, E. M. (Eds.). *Ritorika M. V. Lomonosova*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 9–522.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii: rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia: Early Modern Times]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 894 p.

Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy]. (1789–1794). Part 5. Ot R do T. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1794. 58 p.

Smorczevska H. (1999). Elegia Alexii Teofana Prokopowicza: nieconwencjonalny powrót do tradycyjnego wątku. In *Tradycja i inwencja: Wątku I motywy obhiegowe w dawnych literaturach słowiańskich*. Łódź, pp. 73–81.

Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1988). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. Issue 4. (Vozdukh – Vypis'). 256 p.

Trofimov, A. (2018). Mnogoyazychie v literaturnoi kul'ture Petrovskoi epokhi: «Epinikion» Feofana Prokopovicha [Multilingualism in the Literary Culture of the Peter the Great Era: “Epinikion” by Feofan Prokopovich]. In *Letnyaya shkola po russkoi literature*. Vol. 14. No. 4, pp. 335–353.

Trofimuk, M.S. (2014). *Latinomovna literatura Ukraïni XV-XIX st.: zhanri, motivi, idei* [Latin Literature of Ukraine 15th–19th Centuries: Genres, Motives, Ideas]. Lvov, L'vivskii natsional'nii universitet im. I. Franka. 380 p.

Uspensky, B. A. (1985). *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nachala XIX veka. Yazykovaya program-ma Karamzina i ee istoricheskie korni* [From the History of the Russian Literary Language of the 18th – Early 19th Centuries. Karamzin's Language Program and Its Historical Roots]. Moscow, Gnozis. 215 p.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: v 2 t.* [History of the Russian Written Language, in 2 vols.]. Vol. II. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 480 p.

Данные об авторах

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: nvpatr@list.ru.

Лебедев Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: perevodchik88@yandex.ru.

Authors' information

Patroeva Natalia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 05.04.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 05.04.2024; date of publication: 30.10.2024